

Полмесяца назад верховный жрец Янджин начал повторять один и тот же сон. Ему снилось, как священное озеро превращается в чернильную пучину, степи становятся пустошами, стервятники кружат над горами белых костей, солнце превращается в луну, а звёзды падают с неба.

- Это явный знак пробуждения демона, - нахмурился Лама Чоча.

Способности и вера Янджиня были не хуже, чем у него самого, и по таким снам он должен был сразу распознать опасность. Как же так вышло, что он сам поддался дьявольскому искушению?

- Мне снилось, как озеро почернело, а на берегу образовалась стометровая трещина, словно гигантская пасть, которая растягивалась и пожирала скот, пастухов, отравляя землю, - мрачно сказал Янджин. - Я сосредоточился, читая священные мантры, и направил Солнечное Око на трещину в озере, чтобы разглядеть, какой именно демон пробуждается. Но...

Янджин закрыл левый глаз, а когда открыл, в нём горел красный круг - это и было Солнечное Око. Вэй Сюнь и Лама Чоча обсуждали методы медитации в традиции Бон, где мужчины практиковали «солнечный круг», а женщины - «лунный». Мужчины-жрецы Бон спали на правом боку, представляя, что в их сердце находится солнце - так они совершенствовали Солнечный Круг.

Когда практикующий достигал состояния «осознанного сна» (когда тело спит, но разум бодрствует, способный считать до двенадцати тысяч ударов сердца), солнце входило в сердце. Затем, уже без сна, он мог направлять красные энергетические каналы в левый глаз, формируя там свет солнца - так и рождалось Солнечное Око, способное изгонять зло.

Сейчас лишь великие учителя могли достичь такого уровня. Редкость, сравнимая с фениксовыми перьями. Лицо Янджиня, загорело-красное, как у многих тибетцев, не выдавало его возраста, но ему было уже за сотню. Тот факт, что он развил Солнечное Око, говорил о десятилетиях упорной практики. Неудивительно, что его тело почти достигло совершенства.

Проблема была в том, что, почувствовав знак пробуждения демона, Янджин не поступил, как другие жрецы Бон - не защитил разум и не проснулся сразу, чтобы избежать искушения.

Его первой реакцией было «взглянуть».

И этот взгляд обернулся бедой.

- Проснувшись, я забыл сон, помня лишь, что у озера Селинцо должен пройти важный ритуал, - сказал Янджин, опустив голову от стыда. Теперь он понимал: с того самого момента демон уже овладел им.

Затем он взял двух белых яков и отправился пешком к озеру Селинцо. Каждую ночь ему снова снились знамения, и снова он «смотрел». Просыпаясь, забывал подробности. Так, раз за разом, к моменту прибытия к озеру он уже был глубоко заражён, одержимый поклонением демону.

- Ух!

Во время рассказа зрачки Янджиня вдруг сузились. Вэй Сюнь, наблюдавший за его глазами, сразу заметил: край Солнечного Ока почернел. Каменные кирпичи, сдерживающие заражение, закончились, и Вэй Сюнь быстро поместил несколько волосков волка в глаз жреца.

Левая половина лица Янджиня залилась слезами. Белые волоски, казалось, растворились в

них, но Солнечное Око исчезло, и всё вернулось в норму.

- Пока печать не снята, не используй Солнечное Око, - предупредил Вэй Сюнь.

Лама Чоча мрачно кивнул:

- Скверна проникает через глаза и скрывается в сердце.

Янджин направил Солнечное Око на трещину, и демоническая энергия через энергетические каналы проникла в сердце. Поэтому заражение было именно там.

Хотя чёрное пламя сдерживало скверну, каждое использование Ока угрожало новым контролем. Эти колебания вредили здоровью жреца: его волосы поседели, лицо осунулось. Но, собрав последние силы, он прошептал:

- Они хотят провести Королевский Ритуал... назвать Гань Дань Байцзюя царём Шангшунга... Думаю, они хотят, чтобы царь принёс жертву озеру... и снял печать с демона... кашель

Как только он произнёс «ритуал», «жертва», «печать демона», его снова начало трясти. Вэй Сюнь и Лама велели ему не думать об этом, закрыть чувства и защитить разум.

- Гань Дань Байцзюй не является истинным потомком Царства Гаруды. Он не сможет выдержать Королевский Ритуал, - пробормотал Лама Чоча.

В его голосе чувствовался гнев. До этого Лама был спокоен: демоны по природе своей злы, и на них не стоит злиться, даже если ради их уничтожения придётся пожертвовать собой.

Но теперь он злился на Наследника Орлиной Флейты.

- Если Гань Дань Байцзюй станет царём Шангшунга, он сможет снять печать?

Лама прочитал мантру, затем объяснил Вэй Сюню простыми словами:

- Царь Шангшунга и жрец Гу Синь - посланники Будды, охраняющие север Тибета. Горы и озёра подчиняются их воле.

- Но Шангшунг пал больше 1600 лет назад. Разве его ритуалы ещё имеют силу? Кроме того, этот человек - не из царского рода, - возразил Вэй Сюнь.

Лама задумался, не отвечая. Вэй Сюнь начал выстраивать логику: Наследник Орлиной Флейты и великий демон сговорились. Десятилетиями Наследник тайно приносил кровавые жертвы, разрушая печать.

Демон подчинил жрецов Бон и потомков Шангшунга, а также, возможно, дал Наследнику флейту из кости правого крыла Гаруды, чтобы тот мог провести Королевский Ритуал и стать царём.

А став царём, Наследник прикажет озеру освободить великого демона Чабала Жэня.

Всё сходилось, но Вэй Сюнь чувствовал подвох.

Если Чабала Жэнь мог дистанционно влиять на стольких людей, заражая их, значит, его сила уже сильно просочилась. Печать почти ничего не сдерживала - зачем тогда весь этот сложный ритуал?

Действительно ли Чабала Жэнь заразил Янджиня?

Или же «взгляд» жреца сам по себе привёл к заражению?

Во всех учениях – будь то Бон, буддизм или мистические романы – демоны искушают людей, одурманивают разум. Мудрецы защищались, закрывая чувства и очищая сердце.

Проще говоря – «не смотри», «не слушай», «не думай».

Это напомнило Вэй Сюню из Турагентства.

Но если методы защиты схожи, суть разная. Демоны активно атакуют, тогда как просто существуют. Они настолько сильны, что один взгляд на них сводит с ума.

Может, с Янджином произошло что-то подобное? Конечно, Чабала Жэнь – не . Вэй Сюнь думал не о нём.

Янджин смотрел не на чёрное озеро, а на трещину у берега.

Вэй Сюнь вспомнил задания Агентства: в древней войне Врата Демонического Царства открылись, и Чабала Жэнь с тремя генералами вторглись в мир.

Где сейчас эти Врата?

Закрываются? Есть ли руины? Где?

Может, Янджин увидел трещину, ведущую в Демоническую Бездну? Поэтому он и потерял рассудок, позволив Чабала Жэню проникнуть в его разум?

– Лама, насколько разрушена печать? Может ли Чабала Жэнь дистанционно заразить сердце Янджиня? Собрать столько людей? – спросил Вэй Сюнь.

Лама мрачно покачал головой.

– А если Янджин был в трансе, его защита ослабла...

Лама промолчал, что для Вэй Сюня было ответом.

Так и есть.

– Ну, раз уж Чабала Жэнь собрал столько людей, заставил наследника орлиной флейты короноваться и провозгласить себя королём, то, вероятно, дело не только в снятии печати, – размышлял Вэй Сюнь.

– Я выйду, посмотрю, – сказал он, собираясь встретиться с Цзян Хунгуаном и другими. Ему нужно было выяснить, все ли остальные жрецы и потомки Шангшунга – такие же, как верховный жрец Янджин, или нет.

Вряд ли. Верховный жрец Янджин был сильнейшим среди них, поэтому демон сначала заманил его к разлому, а затем подчинил с помощью демонического семени. С остальными, возможно, не нужно было так заморачиваться – среди них наверняка были и искренние последователи демона.

Вэй Сюнь снова взглянул на верховного жреца, особенно на его грудь. Укус, который он

оставил, был наполнен такой мощной демонической энергией, что, возможно, это была не просто энергия Чабала Жэня, но и энергия врат демонического царства – разлома бездны. Если даже просто взглянуть на неопишуемое существо, можно посеять демоническое семя...

В голове Вэй Сюня возникла незрелая, очень опасная мысль.

А что, если попробовать посеять в себе демоническое семя?

Тот, кто беззвучно раздавил кокон и подчинил Дин И, скорее всего, обладал силой, присущей другим великим гидам. Это заставило Вэй Сюня насторожиться.

Дело было не в том, раскроют ли его личность путешественника или гида. Он думал о другом: а вдруг через кокон кто-то поймёт, что существует Сяо Цуй (материнская особь)? Или, исследуя странную мутацию Дин И и его контракт, обнаружит, что у Вэй Сюня есть способность заставлять гидов мутировать?

Мутировавший, но не достигший зрелости демон, материнская особь, уникальная способность...

Добавьте к этому открытие Путешествия на 30° северной широты, фрагменты бабочки Мэри, и прочее – ценность Вэй Сюня была куда выше, чем у новичка среди гидов или путешественников.

У Вэй Сюня было много ценных вещей, но его способность противостоять угрозам по сравнению с силами верхушки «Туристического агентства» оставалась низкой.

Конечно, если бы он после этого Путешествия присоединился к могущественной команде «Возвращения», он получил бы защиту, и даже если бы у кого-то были подозрения, они бы не рискнули нападать.

Но он не мог вечно путешествовать с командой «Возвращения», вечно прятаться под их крылом – Вэй Сюнь не хотел быть неоперившимся птенцом, нуждающимся в защите. К тому же, в Путешествиях могло случиться что угодно.

Только собственная сила могла дать ему спокойствие. Полагаться на других, искать защиты – не в его характере.

Вэй Сюнь понимал, что ему не хватает козыря.

Получить демоническое семя было обоюдоострым мечом – Вэй Сюнь тоже мог оказаться под контролем. Но в тот раз, когда он встретил взгляд, он понял, что этот и Ань Сюэфэн – одно целое. Контракт, который он заключил с Ань Сюэфэном, распространялся и на него.

Это была страховка. Даже если он посеет в себе демоническое семя, а его любовь исчезнет, по условиям контракта:

– Сторона А обязуется обеспечить Сторону Б жильём, питанием, заботиться о её физическом и психическом здоровье.

Пока контракт действует, оно не станет контролировать или вредить ему.

А раз оно специально подписало контракт с Вэй Сюнем, значит, он был полезен Ань Сюэфэну и команде «Возвращения». Следовательно, вредить ему не станут.

Срок контракта – полгода. Вэй Сюнь был уверен, что за это время его сила вырастет. Ему как раз нужно было время.

Взвешивать выгоды и выбирать лучшее – талант, присущий семье Вэй.

Если, глядя на него, можно действительно посеять в себе демоническое семя...

Шанс был ограничен, и нужно было успеть, пока его любовь не исчезла...

Если представится возможность, он, возможно, даже сможет обратить демоническое семя в свою пользу.

Но сначала нужно разобраться, из чего состоит демоническое семя в верховном жреце Янджине, и проверить, осуществим ли этот план.

- Верховный жрец Янджин, пожалуйста, позаботьтесь о нём.

Вэй Сюнь оставил лампу с демоническим пламенем Ламе-очистителю. Внутри оставалось фиолетовое пламя. Чёрное пламя окружало демоническое семя в груди верховного жреца, а красное Вэй Сюнь использовал, чтобы сжечь кирпичи. У кирпичей не было времени охлаждения – стоило подержать их в пламени, и они снова становились пригодными.

Вэй Сюнь вышел из здания из чёрного камня, ведя за собой Белого Волка. Едва он переступил порог, как несколько жрецов, стоявших рядом, оживились и поспешили к нему.

Кроме строящегося жертвенника, это было единственное здание, предназначенное для принца и жрецов бон. Вэй Сюнь, войдя внутрь для общения с божеством, закрыл дверь, и остальные жрецы вынуждены были ждать под дождём.

Теперь, когда он вышел, общение с божеством, видимо, завершилось, и здание больше не нужно было занимать целиком. Может, они тоже смогут войти...

Но жрецы не успели заговорить с Вэй Сюнем, как увидели, что он оставил Белого Волка у входа.

Сторожить.

- Жди здесь.

Вэй Сюнь схватил морду Белого Волка, глядя ему в глаза. Волк был огромен – даже сидя, он был выше Вэй Сюня. Наклонившись вперёд, он положил лапы на плечи Вэй Сюня.

Взгляд Белого Волка был холодным и свирепым, полным дикой силы, но его пушистое, горячее тело настойчиво прижималось к Вэй Сюню, а язык лизнул его нос.

Вэй Сюнь отпрянул, едва не упав в грязь. Нахмурившись, он бросил Волку недовольный взгляд, и тот наконец перестал прижиматься. Несмотря на свою дикую натуру, он подчинился приказу и сел у входа, охраняя здание.

Вэй Сюнь отдал несколько команд, убедился, что Волк не сдвинется с места, и спокойно ушёл.

Смешно. Разве волк Ань Сюэфэна не понимает человеческую речь и не умеет охранять?

К тому же, он всего лишь собирался забрать Фэй Лэчжи и остальных из загона.

Как и ожидалось, жрецы, желавшие отдохнуть, увидев, что новый верховный жрец оставил у входа Белого Волка без привязи, не осмелились приблизиться.

- Я забираю нескольких человек, чтобы они служили моим жертвам, - высокомерно заявил Вэй Сюнь стражу, охранявшему загон. - Я принесу божееству самые чистые и драгоценные жертвы. Эта грязь не должна пачкать их белую шерсть.

Слухи о том, как он подавил «злодея» и овладел священным пламенем, распространились быстро. Страж, увидев его, чуть не упал на колени, и без колебаний позволил Вэй Сюню выбрать, кого угодно.

- Такие благородные и сильные жертвы действительно требуют особого ухода, - заметил один из жрецов.

Вэй Сюнь бросил на него косой взгляд. Этот человек стоял за верховным жрецом, занимая второе место. Он привёл в жертву людей.

Хотя его слова звучали почтительно, в глазах читалось нечто иное. Вэй Сюнь сразу понял, о чём он думал.

Те, кого приносили в жертву божееству, в глазах жрецов были выше простых стражей. Поэтому, когда Вэй Сюнь выбрал «жертв» для ухода за своими, это было вполне логично.

Но второй жрец вовсе не хотел, чтобы его люди ухаживали за Белым Волком. Ведь это означало бы, что его жертвы ниже жертв нового верховного жреца.

Хотя так оно и было, но выглядело не очень.

Вэй Сюнь проигнорировал его и выбрал Фэй Лэчжи и ещё двоих. Увидев, что Вэй Сюнь взял людей из своего региона (тех, кого привёл двенадцатый жрец), а не его, второй жрец кивнул, решив, что Вэй Сюнь не такой уж консерватор.

Но прежде чем он успел заговорить, Вэй Сюнь уже увёл троих, не обращая на него внимания.

- Хм! - второй жрец хмуро фыркнул.

Вэй Сюнь услышал, но не обратил внимания.

В борьбе с демоническими печатями лишние люди были скорее обузой. Достаточно было контролировать сильнейшего - верховного жреца Янджиня.

К тому же, даже если в него посеяли демоническое семя, жертва верховного жреца Янджиня - белый як, а второй жрец привёл в жертву людей. Либо он изначально был плохим, либо уже был скрытым последователем демона.

Как бы то ни было, по подсказке «Туристического агентства» таких нужно сдавать в полицию.

Тот факт, что это незаконное агентство вообще знало о полиции, был просто невероятен.

- Вэй-дуй, это ты, Вэй-дуй?!

Первым не выдержал Фэй Лэчжи, которого Вэй Сюнь привел в здание. Он не мог сдержать волнения и восторга, вырвавшихся наружу.

Кроме Дин И, только у Вэй Сюня был темно-зеленый плащ Дин И!

- Кто же еще, если не я?

Вэй Сюнь приподнял бровь и сбросил капюшон. Увидев его лицо, Цзи Хунцай вздохнул с облегчением. Цинь Синьжун заметил, как почтительно стражники-тибетцы относились к Вэй Сюню, и раз другие жрецы остались снаружи, а Вэй Сюнь один занял здание, значит, его статус... Цинь Синьжун тоже расслабился.

Фэй Лэчжи чуть не запрыгал от радости, увидев Вэй Сюня, и тут же бросился к нему, чтобы обнять.

- Р-р-р!

Низкое предупреждающее рычание заставило Фэй Лэчжи рефлекторно застыть на месте:

- Братец Леопард, прости, я... А? Где братец Леопард?

Почему у ног Вэй Сюня стоит белый волк?

- Это изменения внутри Путешествия.

Вэй Сюнь кратко рассказал историю о трех священных зверях снежных гор - Короле Снежных Барсов, Короле Белых Волков и Короле Белых Антилоп - объяснив, таким образом, превращение снежного барса.

То, что это снежный барс Ань Сюэфэна, Вэй Сюнь предпочел утаить. Если в Путешествие вмешается старший гид, этот снежный барс может стать неожиданным козырем. Вэй Сюнь никогда не делал ничего бесполезного.

- Так вот в чем дело!

Фэй Лэчжи безоговорочно верил всему, что говорил Вэй Сюнь. Услышав, что Вэй Сюнь превратился в белого волка и сражался с демонической армией во время испытания, он воскликнул:

- Вот почему у тебя до сих пор белые волосы и голубые глаза... Эй, Вэй-Сань, у тебя, кажется, особая связь с белыми животными! Но седые волосы и синие глаза тебе тоже очень идут!

- Вернемся к делу.

Жизнерадостный и легкий характер Фэй Лэчжи был хорош, но он часто уходил в сторону от темы. Цинь Синьжун и Цзи Хунцай переглянулись, и первый взял на себя объяснение Вэй Сюню.

Прошлой ночью, после того как Вэй Сюнь остался, Цзян Хунгуан и остальные последовали его совету и двинулись вперед. По пути к озеру Селинцо они тоже столкнулись с опасностями - нападениями диких зверей, ожившими иссохшими трупами и прочим, но, к счастью, все обошлось. К четырем-пяти утра они добрались до окраин Селинцо, где Цзян Хунгуан и остальные решили подождать Вэй Сюня, чтобы затем отправиться к озеру вместе.

Доставка путешественников к достопримечательностям вовремя - обязанность гида. Даже если произойдет задержка, накажет Агентство гида, а не туристов, поэтому они ждали со спокойной совестью.

Но вместо Вэй Сюня группа встретила Дин И.

- Дин И выглядел... не в себе.

Цинь Синьжун хмурился, вспоминая:

- Он был нервный, весь дрожал, движения казались несогласованными, руки неестественно выворачивались.

- Думаю, у него болезнь Паркинсона, - добавил Фэй Лэчжи.

- Я предлагал прикончить Дин И, - сказал Цзи Хунцай.

- В конце концов, с Вэй-дуюем мы без него обойдемся.

Пока он говорил, он украдкой взглянул на Вэй Сюня, беспокоясь, что тот разозлится, посчитав их трусами. Но Вэй Сюнь лишь равнодушно спросил:

- И что было дальше?

Цзи Хунцай продолжил:

- Когда мы вошли в Селинцо, нас встретили эти тибетцы.

- Агентство дало нам роли. Фан Юйхан, Сюй Цзыши и Юй Чэнфу пошли таскать черные камни для алтаря, а Цзян Хунгуана, Сюй Яна, Инь Байтао и Линь Цимина отвел к себе один из жрецов. А нас троих Дин И, этот кусок дерьма, сдал в качестве жертвенных животных и запер в загоне.

- У вас есть способ поддерживать связь друг с другом?

Вэй Сюнь по их спокойным лицам понял, что группа может общаться.

- Да, у нас есть рации, - подтвердил Цинь Синьжун.

- Мы связываемся каждые два часа.

Путешественники разделились на три группы, каждая собирала свою информацию. Однако, судя по всему, все ключевые точки были под контролем.

- Яки привозили бочки с кровью. Каждый новый слой черных камней на алтаре они поливали кровью, чтобы та просочилась во все щели. Фан Юйхан сказал, что это смесь крови разных животных: овцы, быка, оленя, волка, человека, стервятника, рыбы и антилопы.

Фан Юйхан до Путешествия был профессиональным сомелье и имел зеленый титул «Сомелье», позволявший ему определять компоненты жидкостей.

Цинь Синьжун собрал всю полученную информацию и передал её Вэй Сюню, который позвал Чоча Ламу и Верховного Жреца Янджиня послушать.

- Всех жертвенных животных - и людей тоже - кормили каким-то снадобьем. И не все они тибетцы, возможно, некоторых привезли из других мест, - сказал Фэй Лэчжи, с гневом и состраданием глядя на связанных людей.

- Половина - подростки, остальные - взрослые, старики и пятеро детей. Всего сорок пять человек. Я пытался с ними поговорить, но они не реагировали.

- Когда нас заперли, в загоне были только подростки, - добавил Цинь Синьжун.

- Взрослых, стариков и детей привели позже, отдельными группами.

Значит, кроме Второго Жреца, еще трое также привели человеческих жертв. Вместе с Дин И получается пять жрецов.

Их следовало запомнить.

- Еще кто-то копал землю в центре и закапывал что-то в яму. Не знаю что, но я почувствовал запах крови. И корзины у них были такие же, как те, в которых, по словам Цзян-гэ, лежали благовония.

Цзи Хунцай был смел и наблюдателен.

- Цзян-гэ и другие мололи благовония, десятки людей этим занимались. Одни мололи травы, другие - минеральные красители, а потом все смешивали и складывали в большие корзины, которые увозили яки... Но в последнем разговоре Цзян-гэ сказал, что Сюй Яна и Инь Байтао отвели отдельно - якобы для роли жрицы и жреца в ритуале.

- Жрица и жрец?!

Чоча Лама воскликнул и тут же подлетел к Цзи Хунцаю. Его лицо стало серьезным.

- Расскажи подробнее, что именно они мололи?

- Цзян-гэ говорил про кости, ячмень, сердца овец или быков, черные камни и еще какое-то толстое черное благовоние, свернутое, как спираль от комаров.

Цзи Хунцай, боясь, что Чоча Лама не поймет, нарисовал пальцем в воздухе круги.

- Водоворот!

Лицо Чоча Ламы исказилось, его призрачное тело задрожало, будто он пережил сильнейшее потрясение. С самого начала рассказа Верховного Жреца Янджиня его выражение было странным. Теперь же он, казалось, окончательно убедился в своих догадках. Чоча Лама резко повернулся к Вэй Сюню, но тот, который все это время молча слушал, наконец задал вопрос:

- Значит, сейчас уже второй день?

- А? Да, да, - первым сориентировался Цинь Синьжун.

- Второй день с момента прибытия в Селинцо. Сейчас шесть утра.

Из их слов Вэй Сюнь понял, что прошел целый день. Он вошел в испытание ночью, а когда вышел, снаружи тоже было темно, лил дождь, дул ветер - невозможно было определить течение времени.

Да и напоминание Агентства «Все прибыли в Селинцо» и «Последняя достопримечательность Северного Тибета - Дьявольское озеро Селинцо!» не позволили Вэй Сюню сразу осознать, что прошел целый день.

Согласно маршруту, группа должна была провести у озера Селинцо всего два дня, а во второй день к шести вечера уже следовало уходить. Затем два дня в пути – и Путешествие заканчивалось в заповеднике Чангтан.

Шесть утра. До шести вечера оставалось двенадцать часов.

Вэй Сюнь тут же пересмотрел все свои планы. Судя по всему, ритуал должен был начаться очень скоро!

- Посланник, это... это не королевский ритуал, это не просто королевский ритуал!

Чоча Лама дрожал от волнения, жемчужный цвет его души побледнел, смешался. Он был в ужасе. Первые слова он выкрикнул на древнем языке Шангшунга, но тут же перешел на путунхуа, произнося обрывочные фразы:

- Ритуал... кровавая жертва... Демоническое царство!

- Янджин не из Малого Лесного Храма, он не знает!

Чоча Лама, мертвый жрец древнейшего боннского Малого Лесного Храма, был единственным, кто знал самые сокровенные тайны древнего царства Шангшунг.

- Король Шангшунга и жрец Гусынь были посланы Буддой, чтобы охранять земли Северного Тибета. И снежные горы, и священные озера подчинялись их воле.

Чоча Лама повторил предыдущие слова, но голос его был напряженным, а тон совершенно иным:

- Когда один король сменял другого, жрец Гусынь проводил королевский ритуал – одновременно и восхождение на престол нового правителя, и жертвоприношение священным горам и озерам, которые были вратами между миром людей и Демоническим царством.

- Древние врата Демонического царства, через которые оно вторгалось в мир людей, лежат на дне озера. Это «Озерные Врата» в Демоническое царство.

- Я... я думал, священные свитки говорят, что Врата Озера находятся в Дангрэн-Юнцо...

- Лама Чоча, успокойтесь!

Вэй Сюнь резко окликнул ламу, видя, как тот, обычно невозмутимый, теперь бормочет что-то сбивчивое. Он поднял Белого Волка и поднёс его к Ламе, слегка коснувшись. Лама вздрогнул и тут же пришёл в себя, его взгляд прояснился.

- В свитках сказано, что демон был разделён на две части: одна запечатана в Девятислойной Кристальной Пагоде Свастики, другая – в озере Селинцо. Врата Озера, ведущие в Демоническое Царство, находились в Дангрэн-Юнцо, но Будда разрушил их ваджрой и запечатал Девятислойной Пагодой. С тех пор Озеро Демонов стало Священным Озером.

- Свитки не могут ошибаться, но... но...

Чоча-лама задрожал.

- Девять видов крови символизируют девять кровавых бассейнов, сердце барана – самого демона, кости и ячмень – жертвенные дары, священный камень (чёрный камень) связывает с

подземным миром, а вихрь (чёрный ладан) – это канал к озеру...

Он содрогнулся.

- Они хотят обратить королевский ритуал вспять... открыть Врата Озера в Селинцо!

Те, кто под властью демона, смешали кровь, кости, ячмень и сердце, превратив их в порошок, и нарисовали на земле демонические символы. Они собрали последних потомков Шангшунга, жрецов религии Бон, чтобы с их помощью и другими жертвами на чёрном алтаре изменить кровь Гань Даня Байцзюя, превратив его в истинного царя Шангшунга.

И когда Гань Дань Байцзюй станет настоящим царём, он и верховный жрец будут принесены в жертву как «Царь Шангшунга» и «Жрец Гусынь», окончательно осквернив Священное Озеро и открыв Врата Озера в Демоническое Царство!

Возможно, Великий Демон Чабала Жэнь уже близок к успеху – трещина, увиденная верховным жрецом Янджином, расходящаяся от Чёрного Озера, это первые признаки открывающихся Врат!

БА-БАХ!

Оглушительный удар грома разорвал небо, заглушив стук в дверь.

Скрип...

Без предупреждения запертая дверь распахнулась. В комнату хлынул поток ледяного, пропитанного зловещей энергией ливня. Снаружи было темно, как ночью, сверкали молнии. На пороге возникло бледное, мокрое лицо, похожее на облик водяного.

Его глаза превратились в узкие щёлочки, губы растянулись в неестественной улыбке, от которой становилось не по себе. Это был Второй Жрец.

- Верховный жрец... пора начинать ритуал. Принц прислал меня за вами.

Его голос был непривычно тонким и визгливым, сопровождался странным гудением, сводившим с ума. Его бегающий взгляд скользнул по Чоча-ламе и Янджиню за спиной Вэй Сюня, зрачки застыли, будто нарисованные.

- Они...

Едва он начал говорить, Вэй Сюнь превратился в снежного барса, а затем мгновенно обратно в человека. Его одежда упала на пол. Все остолбенели – кто мог ожидать такой атаки? Лишь Белый Волк, будто по негласному соглашению, одновременно бросился на Второго Жреца, повалив его на землю.

Звонко р-р-раз!

Волк встряхнул головой, кровь брызнула фонтаном. По полу покатился оторванный череп размером с мяч – его лицо всё ещё кривилось в этой жуткой улыбке.

В следующий момент чёрные щупальца демонической энергии, словно у осьминога, выползли из шеи. Тело Янджиня застыло, его взгляд метнулся в смятении, но тут же помутнел, наполнившись чёрной энергией.

Как заворожённый, он выхватил нож и беззвучно занёс его над спиной Вэй Сюня. Чоча-лама успел поднять руку, чтобы остановить его, но лезвие описало немислимую дугу, обойдя преграду

И замерло.

Мгновение спустя всё закончилось.

Щупальца из головы Второго Жреца опали, словно увядшие растения. Янджин побледнел, закатил глаза и рухнул на пол. В ушах Вэй Сюня зазвучал шёпот - слышный только ему.

Возможно, из-за только что пережитой смертельной опасности, голоса стали громче. Искажённые, полные нечистой силы, они ударили в сознание, едва не вызвав видения.

Но Вэй Сюнь лишь улыбнулся, спокойно надел плащ и подошёл поближе. Кристальным клинком он рассек щупальца, растущие из шеи жреца. Его бледные босые ноги стояли в луже крови.

Он заметил, как капля крови на его пальцах бесследно исчезла, словно стёртая невидимой силой. А ступни будто обожгло льдом, немея от холода.

[Ты волнуешься?]

Он шевельнул губами без звука, зная, что «тот» услышит.

Вэй Сюнь оделся. Всё произошло так быстро, что Цзи Хунцай и остальные лишь теперь пришли в себя. Фэй Лэчжи бросился закрывать дверь, Цзи Хунцай и Цинь Синьжун удерживали потерявшего сознание Янджиня. Все ждали указаний.

- Подождите здесь.

Вэй Сюнь накинул капюшон, взял кристальный кинжал и вышел. Снаружи бушевала гроза, ледяные струи хлестали по нему. Раскаты грома напоминали рёв разъярённого духа. Вода стекала с краёв капюшона, тёмно-зелёный плащ казался сгустком теней.

В десяти метрах ждали другие жрецы. Как и говорил Второй, ритуал вот-вот начнётся.

Лицо Вэй Сюня оставалось невозмутимым, но разум был на грани - хаотичные голоса переполняли его, и лишь жестокость могла вернуть ясность.

- Привет.

Он дружелюбно кивнул, а затем, без предупреждения, бросился к Пятому Жрецу. Белый Волк атаковал Седьмого, а сам Вэй Сюнь заодно швырнул кирпич, блокируя Десятого.

Все они, как и Второй, участвовали в жертвоприношениях людей.

Посреди бури воцарился хаос. Визги заглушались раскатами грома. Волк загрыз Седьмого, Вэй Сюнь вытащил кинжал из груди Пятого. Правая щека была забрызгана кровью, быстро смываемой дождём.

[Мне предстоит ещё больше опасностей...]

Беззвучная насмешка. Губы изогнулись. Бледная кожа - и лишь кровь, как яркое пятно.

- Боги поведали мне, что Второй, Пятый, Седьмой и Десятый Жрецы - злодеи. Ритуал близок, и никаких ошибок быть не должно.

Под взглядами, полными ужаса и недоверия, он улыбнулся. Пальцы его правой руки ощутили тепло - это Белый Волк вылизывал с них кровь, чужой запах.

Вэй Сюнь поднял глаза к высокому мужчине в толпе. Тот был уже не в простой тибетской одежде, а в древних, новых одеждах царя Шангшунга.

Он шагнул к Наследнику Орлиной Флейты. Никто не посмел встать между ними. Толпа расступилась, как воды Красного моря. Наследник не отступил, но пальцы его сжали золотистую флейту - настоящую, из крыла гималайского грифа.

- Царь, ритуал начинается?

Вэй Сюнь остановился в пяти шагах. Прежде чем Наследник успел ответить, он медленно достал тханка из человеческой кожи Гусыня и накинул её на плечи.

- Лишь Царь Шангшунга и Жрец Гусынь могут провести королевский ритуал, верно?

Зрачки Наследника сузились, в глазах мелькнуло понимание.

Да. Чем ближе к настоящему - тем выше шансы на успех.

- Да.

После долгой паузы он ответил твёрдо, будто забыв о только что убитых жрецах.

- Верховный жрец, пойдёмте.

Вэй Сюнь усмехнулся. Никто не знал, что его сознание плясало на краю безумия от голосов и видений. Где-то высоко, казалось, за ним следили - наблюдатель сдерживался, но в этом взгляде была угроза.

Он сердился.

Но Вэй Сюнь не просил пощады. Напротив - дразнил.

[Ты любишь меня?]

[Но ты не можешь прикоснуться, не можешь быть рядом... даже этот волк ближе. Такова твоя любовь?]

[Хочешь... стать ближе?]

Он положил левую ладонь на грудь, как демон, заманивающий в ловушку.

[Хочешь заглянуть... в моё сердце?]

[Чтобы следить за мной.]

(тханка - тибетская религиозная живопись, часто на шёлке или коже)